Ars Administrandi (Искусство управления). 2026. Т. 18, № 3. С. 590–605.
Ars Administrandi. 2026. Vol. 18, no. 3, pp. 590–605.

Эта работа © 2026 Макаровой М. Н., Пышминцевой О. А. распространяется под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 International. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

This work © 2026 by Makarova, M. N. and Pyshmintseva, O. A. is licensed under Creative Commons Attribution 4.0 International. To view a copy of this license, visit https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Научная статья
УДК 332.1
https://doi.org/10.17072/2218-9173-2026-3-590-605

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМИ РИСКАМИ В РЕГИОНЕ: ОТ СУБЪЕКТИВНЫХ ОЦЕНОК НАСЕЛЕНИЯ К СТРАТЕГИЧЕСКИМ ПРИОРИТЕТАМ РАЗВИТИЯ

Мария Никитична Макарова[1]✉, **Ольга Александровна Пышминцева**[2]
[1, 2] Институт экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия
[1] makarova.mn@uiec.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-6144-6178
[2] pyshmintseva.oa@uiec.ru, https://orcid.org/0000-0002-5710-9459

Аннотация. Введение: современное общество характеризуется многообразием и увеличением масштаба социальных рисков, оказывающих негативное влияние на жизнестойкость населения и социально-экономическое развитие регионов. Это обусловливает необходимость совершенствования инструментов управления ими для обеспечения устойчивого развития субъектов Российской Федерации. **Цель:** оценить согласованность сложившейся системы социальных рисков в регионе с приоритетами социального развития, закрепленными в стратегических документах федерального и регионального уровня. **Методы:** использован комплексный методологический подход. Диагностика социальных рисков проведена с помощью репрезентативного социологического опроса населения региона на примере Свердловской области. Стратегические приоритеты выявлены методом контент-анализа ключевых стратегических документов развития федерального и регионального уровня. Согласованность субъективных оценок и стратегических приоритетов проанализирована с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена. **Результаты:** установлено, что население региона наиболее остро воспринимает физиоло-

гические и коммуникационные риски. При этом стратегические документы, в особенности федеральные, существенно недооценивают важность коммуникационных рисков и переоценивают значимость воспроизводственных и профессиональных по сравнению с субъективными оценками населения. На региональном уровне выявлена относительно качественная согласованность указанных параметров. **Выводы:** уровень согласованности стратегических социальных приоритетов и субъективных оценок населением социальных рисков является недостаточным, что обусловливает необходимость выработки новых подходов к управлению социальными рисками с учетом международного опыта.

Ключевые слова: социальный риск, стратегия развития, социологический опрос, контент-анализ, оценка согласованности, регион, управление рисками

Благодарность: статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-00654 «Оценка и прогнозирование социальных рисков и их последствий для устойчивого развития регионов России в контексте современных глобальных вызовов», https://rscf.ru/project/24-28-00654/.

Для цитирования: *Макарова М. Н., Пышминцева О. А.* Управление социальными рисками в регионе: от субъективных оценок населения к стратегическим приоритетам развития // Ars Administrandi (Искусство управления). 2026. Т. 18, № 3. С. 590–605. https://doi.org/10.17072/2218-9173-2026-3-590-605.

Original article

SOCIAL RISK MANAGEMENT IN THE REGION: FROM THE POPULATION'S SUBJECTIVE ASSESSMENTS TO STRATEGIC DEVELOPMENT PRIORITIES

Mariya N. Makarova[1]✉, **Olga A. Pyshmintseva**[2]

[1, 2] Institute of Economics of the Ural Branch of the RAS, Yekaterinburg, Russia

[1] makarova.mn@uiec.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-6144-6178

[2] pyshmintseva.oa@uiec.ru, https://orcid.org/0000-0002-5710-9459

Abstract. Introduction: contemporary society is characterized by a growing variety and scale of social risks that adversely affect population resilience and the sustainability of regional socio-economic development. This underscores the need to enhance risk management tools to ensure the sustainable development of regions. **Objectives:** to assess the degree of correspondence between the current system of social risks in the region and the social development priorities articulated in strategic documents at the federal and regional levels. **Methods:** a comprehensive methodological approach was employed. Social risks were identified through a representative sociological survey of the region's population, using the Sverdlovsk Region as a case study. Strategic priorities were determined via content analysis of key strategic development documents at both the federal and regional levels. The alignment between subjective assessments and strategic priorities was analysed using Spearman's rank correlation coefficient. **Results:** the findings reveal that physiological and communication risks are perceived by the region's population as the most acute. At the same time, strategic documents – particularly those at the federal level – substantially underestimate the importance of communication risks and overestimate the significance of reproductive and professional risks relative to the population's subjective assessments. At the regional level, a relatively satisfactory degree of consistency between these parameters was observed. **Conclusions:** the study concludes that the current level of alignment between strategic

social priorities and the population's subjective perceptions of social risks is insufficient. This highlights the necessity of developing new approaches to social risk management that incorporate international experience.

Keywords: social risk, development strategy, sociological survey, content analysis, consistency assessment, region, risk management

Acknowledgements: the study was supported by the Russian Science Foundation grant, project no. 24-28-00654 "Assessment and forecasting of social risks and their consequences for the sustainable development of Russian regions in the context of modern global challenges", https://rscf.ru/project/24-28-00654/.

For citation: Makarova, M. N. and Pyshmintseva, O. A. (2026), "Social risk management in the region: From the population's subjective assessments to strategic development priorities", *Ars Administrandi*, vol. 18, no. 3, pp. 590–605, https://doi.org/10.17072/2218-9173-2026-3-590-605.

ВВЕДЕНИЕ

Современное общество представляет собой общество рисков (Beck, 1992), которые распространены повсеместно, отличаются высокой универсальностью и масштабностью, зачастую имеют институционализированную форму и подвержены эскалации вследствие человеческой деятельности (Синьковская, 2020). Понимая социальный риск как ситуацию неопределенности (Найт, 2003), возникающую под воздействием глобальных вызовов – политических, экономических, технологических, экологических и др. (Евдокименко, 2015; Микрюков и Илюшин, 2022), мы рассматриваем социальный риск как фактор снижения жизнеспособности населения (Величковский, 2012) и устойчивости регионального развития (Сухих и Зубарев, 2012). Социальный риск всегда связан с ситуацией стресса, а следовательно, негативно влияет на здоровье и качество жизни индивида и общества в целом (Величковский, 2005). Вместе с тем реакция на ситуацию риска является рациональной в той степени, в которой субъект принятия решения обладает информацией для оценки альтернатив и последствий реализации социальной угрозы (Зубков, 2001).

Углубление традиционных (Степанова и Обогаева, 2021) и возникновение новых (Ли, 2024) социальных рисков ставят перед исследователями и практиками вопросы управления ими как систематической деятельности, направленной на выявление, оценку и минимизацию рисков, связанных с различными аспектами жизни общества. Актуальность этой темы также обусловлена необходимостью разработки эффективных стратегий, которые помогут предотвратить или смягчить негативные последствия социальных рисков, обеспечивая устойчивое развитие и социальную справедливость.

Классические подходы к управлению социальными рисками часто предусматривают разработку и внедрение программ социальной политики, направленных на поддержку уязвимых групп населения (Фурсов и Долгова, 2020). Эти программы могут включать в себя меры по обеспечению доступа к обра-

зованию, здравоохранению и социальным услугам, что способствует снижению уровня бедности и улучшению качества жизни (Агеев и Сыроижко, 2023). Например, программы социальной защиты, такие как пособия по безработице и субсидии на жилье, играют ключевую роль в поддержке людей, находящихся в трудной жизненной ситуации (Yu et al., 2017).

Инновационные подходы к управлению социальными рисками все чаще включают использование информационных технологий и больших данных для более точной оценки и прогнозирования рисков. Современные методы анализа информации позволяют выявлять скрытые закономерности и тенденции, указывающие на потенциальные социальные риски (Черешкин и др., 2020; Novikova et al., 2021; Макаров и др., 2020). Например, использование больших данных и машинного обучения может помочь в разработке более точных моделей прогнозирования, которые учитывают широкий спектр факторов, влияющих на социальные риски. Это позволяет эффективнее распределять ресурсы и разрабатывать целенаправленные меры по снижению угроз (Bulba et al., 2021).

Одним из перспективных направлений является интеграция междисциплинарных исследований, объединяющих знания из различных областей, таких как экономика, психология и социология, для более комплексного понимания социальных рисков и выработки более эффективных стратегий, которые учитывают не только экономические, но и психологические и социальные аспекты. Например, исследования в области поведенческой экономики помогают понять, как индивидуальные и коллективные решения влияют на социальные риски и как можно стимулировать более устойчивое поведение населения (Pidlypna, 2020; Liu and Huang, 2017).

Важный аспект управления социальными рисками – мониторинг и оценка эффективности принимаемых мер. Это включает в себя разработку индикаторов и метрик, дающих возможность оценивать воздействие программ и инициатив на социальные риски. Регулярный мониторинг позволяет выявлять недостатки и вносить необходимые коррективы, что способствует повышению устойчивости социально-экономической системы региона и адаптивности мер к меняющимся условиям (Bilyk, 2020; Vykopalova, 2016).

Таким образом, очевидно, что управление социальными рисками, с одной стороны, требует идентификации и диагностики социальных рисков, с другой – выработки соответствующих стратегических приоритетов по их предотвращению и/или нивелированию негативных последствий реализации выявленных рисков. Это и определило цель исследования – оценку приоритетов социального развития в стратегических документах федерального и регионального уровня в контексте сложившейся системы социальных рисков в регионе.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для реализации поставленной цели предложен комплексный инструментарий, позволяющий решить две задачи: во-первых, диагностировать сложившуюся систему социальных рисков в регионе и, во-вторых, выявить приоритеты социальной политики в стратегических документах развития.

Для того чтобы решить задачу по идентификации и диагностике сложившейся системы социальных рисков, в 2024 году в соответствии с авторской классификацией социальных рисков (Макарова, 2025) проведен социологический опрос населения. Полигоном исследования выбрана Свердловская область. Опрос был проведен в апреле–ноябре 2024 года, включающий очное индивидуальное анкетирование и онлайн-опрос с помощью Яндекс-формы. Объем выборочной совокупности составил 391 человек (доверительная вероятность – 95 %, погрешность – ±5%). Выборка репрезентативна по полу и возрасту для населения Свердловской области согласно данным Росстата на 1 января 2024 года. Инструментарий исследования представлял собой структурированную анкету, вопросы которой включали социально-демографические и экономические характеристики респондентов, а также оценку ими социальных рисков по 5-балльной шкале Лайкерта.

Для выявления приоритетов социальной политики использовался метод контент-анализа. Анализировались стратегические документы[1], определяющие перспективы и цели социально-экономического развития на период до 2030 года России в целом и Свердловской области как полигона выполняемого исследования.

Таким образом, предложенный комплексный инструментарий позволил выявить как ключевые социальные риски в регионе, так и стратегические приоритеты государственной и региональной социальной политики по их преодолению, а также показать, согласованы ли указанные документы с текущей ситуацией в субъекте Российской Федерации оцененной на основе расчета коэффициентов ранговой корреляции Спирмена между рейтингом субъективных оценок угроз и рейтингом представленности социальных рисков в стратегических документах.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

По результатам социологического опроса, 38,9 % жителей Свердловской области трудоспособного возраста не ощущают социальные риски, 19,2 % воспринимают их на низком уровне, а 23,1 % – на среднем. Лишь 11,3 и 7,6 % респондентов относятся к группам с высоким и очень высоким уровнем восприятия данных рисков соответственно (рис. 1).

[1] *О национальных* целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 07.05.2024 № 309. URL: https://base.garant.ru/408992634/ (дата обращения: 19.10.2025); *Стратегия* пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года [Электронный ресурс]: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 28.12.2024 № 4146-р. URL: https://base.garant.ru/411243583/ (дата обращения: 19.10.2025); *Проект* стратегии социально-экономического развития Свердловской области до 2035 года [Электронный ресурс] // Офиц. сайт М-ва экон. развития Рос. Федерации. 2022. 8 июля. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategii_socialno_ekonomiceskogo_razvitiya_subektov_rf/proekty_strategiy_subektov_rf/proekt_strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_sverdlovskoy_oblasti_do_2035_goda.html (дата обращения: 19.10.2025).

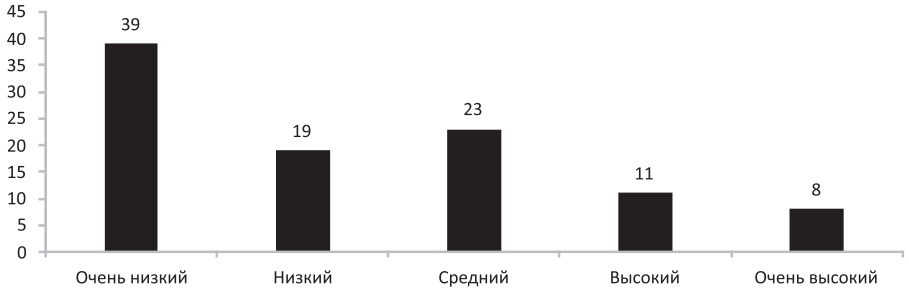


Рис. 1. Субъективная оценка уровня социальных рисков, % от опрошенных / Fig. 1. Subjective assessment of social risks, % of respondents

Источник: рис. 1–2 составлены авторами.

В ходе исследования был сформирован рейтинг социальных рисков населения Свердловской области. Первое место в нем занял физиологический риск, который респонденты оценили в среднем на 2,72 балла (средний уровень). Среди его компонентов наибольшее беспокойство вызвал риск деградации окружающей среды, получивший в среднем 2,93 балла. Неудивительно, что 33 % опрошенных оценили этот риск как высокий и очень высокий, поскольку Свердловская область входит в число регионов с наиболее напряженной экологической обстановкой в стране. Кроме того, среди компонентов физиологического риска значимыми оказались угроза ухудшения и утраты здоровья – 2,77 балла и обесценивание человеческой жизни, угроза физической безопасности – 2,5 балла. Высоко и очень высоко угрозу ухудшения и утраты здоровья оценили 27 % респондентов, а угроза обесценения человеческой жизни и физической безопасности беспокоила 23,4 % (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Ответы респондентов на вопрос «В данный момент Вашей жизни Вы лично чувствуете, что Вам угрожает?» (5 – самая высокая угроза, 1 – самая низкая угроза) / Respondents' answers to the question "Do you personally feel threatened at this point in your life?" (5 – highest threat, 1 – lowest threat)

Компонент социального риска	Оценка социального риска, балл	Доля респондентов ответивших, что ощущают высокий и очень высокий риск, %
Физиологический риск	2,72	28,0
Коммуникационный риск	2,38	19,3
Профессиональный риск	2,22	17,5
Материальный риск	2,13	13,1
Воспроизводственный риск	1,82	8,2
Риск деструктивного поведения	1,59	8,1
Всего	2,29	18,8

Источник: табл. 1–2 составлены авторами.

На втором месте среди социальных рисков – коммуникационный риск, который респонденты в среднем оценили на 2,38 балла. Его компонентами выступают угроза стресса и потери контроля над жизненной ситуацией (в среднем 2,6 балла), а также угроза одиночества и социальной изоляции (в среднем 2,08 балла). Как высокий и очень высокий данный риск оценивают 25,7 и 13 % респондентов соответственно. Третье место занимает профессиональный риск, который заключается в страхе потери работы, служебного положения или статуса. Он серьезно беспокоит 17,5 % респондентов и в среднем оценивается на 2,22 балла. Наименьшую обеспокоенность у респондентов вызывают воспроизводственный риск и риск деструктивного поведения: только чуть более 8% опрошенных оценили данные риски как очень высокие.

Женщины более восприимчивы к коммуникационному и экологическому рискам, в то время как мужчины более высоко оценивают риски деструктивного поведения, воспроизводственный и материальный, а также физиологический риск. Кроме того, в целом мужчины чаще, по сравнению с женщинами, оценивают риски как высокие и очень высокие.

Значимой детерминантой субъективного восприятия социальных рисков является возраст. Наиболее низкий уровень восприятия рисков характерен для молодежи в возрасте 15–19 лет и для людей предпенсионного возраста: среди тех, кто оценил риски как высокие и очень высокие, молодежь 15–19 лет составила всего 13,3 %, доля респондентов в возрасте 55–59 лет – 13,8 %, а в возрасте 60–64 лет – 15,9 %. Кроме того, наблюдаются различия в рейтинге социальных рисков в зависимости от возрастной группы населения. Так, коммуникационный риск наиболее сильно беспокоит респондентов в возрасте 20–29 лет (в среднем 3 балла), затем острота его восприятия постепенно снижается. Уровень восприятия материального риска возрастает к 40–44 годам, достигая 2,6 балла, затем снижается, а после 60 лет вновь начинает расти. Угроза деструктивного поведения значительно больше беспокоит возрастную группу 45–49 лет.

Существенное влияние на уровень восприятия социальных рисков оказывает состояние здоровья человека: чем оно хуже, тем острее восприятие субъектом тех или иных рисков. Так, среди респондентов, оценивших свое состояние здоровья как плохое, 35 % воспринимают социальные риски на высоком и очень высоком уровне, а еще 25,6 % – на среднем. При этом 80,8 % опрошенных с очень хорошим состоянием здоровья отмечают, что не ощущают никаких рисков.

В целом проведенный социологический опрос показал, что более 40 % населения Свердловской области ощущают на себе влияние различных социальных рисков: 23 % опрошенных обеспокоены ими на среднем уровне, а 19 % – на высоком и очень высоком. Наибольшую обеспокоенность у населения Свердловской области вызывают физиологический и коммуникационный риски, а также риск деградации окружающей среды, в то время как материальный и профессиональный риски ощущаются чуть менее значимыми.

Очевидно, что для эффективной реализации социальной политики и сохранения социальной стабильности идентифицированные социальные риски должны найти свое отражение в различных нормативно-правовых

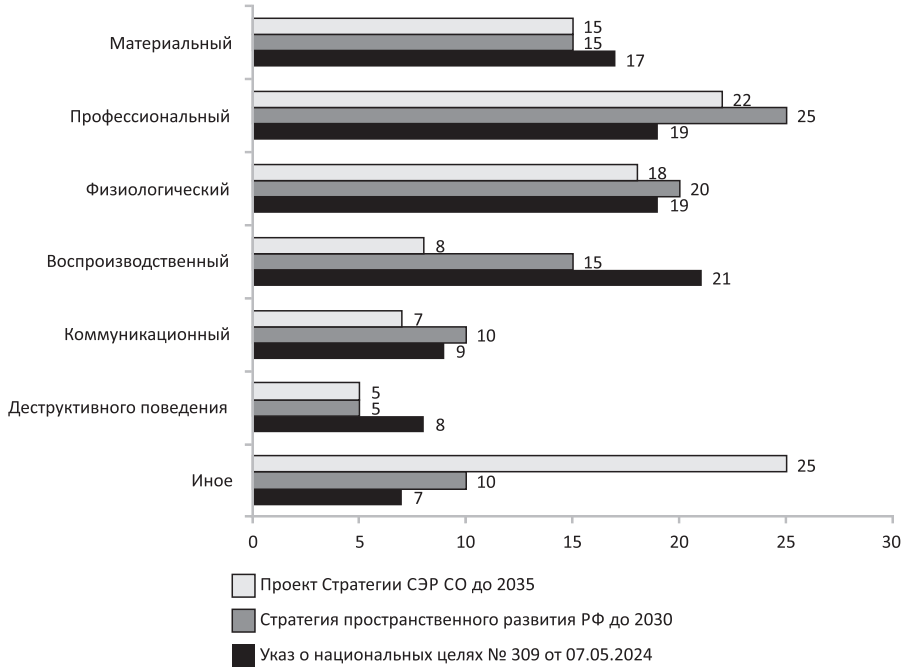


Рис. 2. Доля текста стратегического документа, посвященная каждому социальному риску, % от всего объема текста / Fig. 2. Percentage of the strategic document text devoted to each social risk, % of the total text volume

актах федерального и регионального уровня. Стратегические приоритеты социальной политики анализировались на основе трех документов, краткая характеристика которых с точки зрения противодействия социальным рискам представлена ниже.

Так, Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» предлагает комплексный подход к решению социальных рисков, которые угрожают устойчивому развитию и благополучию населения России. В документе сделан акцент на долгосрочных структурных преобразованиях, а не на точечных мерах, а сами национальные приоритеты в большей степени ориентированы на создание условий для предотвращения рисков, чем на реагирование на их последствия. Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2030 года с прогнозом до 2036 года затрагивает все категории социальных рисков и подходит к их снижению через сбалансированное развитие территорий, инфраструктурные инвестиции и поддержку человеческого капитала. Вместе с тем следует отметить, что в данном документе вопрос противодействия социальным рискам рассматривается косвенным образом – как результат реализации пространственной политики в целом. Наконец, в проекте стратегии социально-экономического развития Свердловской области до 2035 года учитывается не только прямое упоминание рисков, но и темы, которые косвенно связаны

с каждым типом риска (например, разделы о здравоохранении, образовании, экологии, экономике), то есть основное внимание сфокусировано на системных мерах, которые прямо или опосредованно влияют на снижение социальных рисков.

Контент-анализ представленных документов позволил определить в процентном соотношении, какая часть каждого из них посвящена одному из социальных рисков (рис. 2). Очевидно, что проект стратегии социально-экономического развития Свердловской области около 25 % своего объема отдает вопросам экономического и организационного характера, что связано со спецификой такого типа документов, в то время как остальные два более 90 % своего объема прямо или косвенно посвящают работе с социальными рисками.

Как видно на рисунке 2, наибольшее внимание во всех документах уделяется профессиональному (19–22 %), физиологическому (18–20 %) и материальному (15–17 %) рискам, закрывающим базовые потребности населения, такие как здоровье, безопасность, занятость и доходы.

Отдельно отметим дифференциацию социальных приоритетов. В Указе Президента Российской Федерации от 2024 года, в отличие от других стратегических документов, 21 % текста посвящен противодействию воспроизводственному риску. При этом акцент сделан на семейной политике и мерах по повышению рождаемости, а сам риск обозначен как наиболее значимый. Однако цели регионального развития существенно отличаются от федеральных приоритетов: в проекте стратегии социально-экономического развития Свердловской области воспроизводству населения отведено только 8 % объема документа. Вместе с тем с приходом нового губернатора Свердловской области летом 2025 года была поставлена задача обновить и доработать проект стратегии, в том числе в вопросах демографического развития, согласовав его с национальными целями[2].

Таким образом, проранжировав субъективную оценку восприятия социальных рисков и приоритеты социальной политики в стратегических документах, можно оценить их согласованность на основе расчета коэффициентов ранговой корреляции Спирмена (табл. 2).

Как видно из таблицы 2, в верхней части рейтинга как субъективных оценок, так и стратегических приоритетов находится физиологический риск, отражающий угрозы в сфере общественного здоровья и безопасности. Так, для населения Свердловской области этот риск находится на первом месте, по степени своей представленности в стратегических документах он занимает вторую позицию. При этом подчеркнем, что все три стратегических документа существенно недооценивают важность коммуникационного риска, отмеченного населением Свердловской области: угрозы стресса и потери контроля над собственной жизнью, а также одиночества и социальной изоляции, волнующие людей, в стратегических документах затрагиваются в наи-

[2] *Денис* Паслер поручил актуализировать стратегию социально-экономического развития Свердловской области до 2035 года [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Правительства Свердл. обл. 2025. 25 июня. URL https://midural.ru/news/list/document280189/ (дата обращения: 12.08.2025).

Таблица 2 / Table 2

Ранжирование субъективных оценок социальных рисков и их представленности в стратегических документах развития / Ranking the subjective assessments of social risks and their representation in the strategic development documents

Социальные риски	Социальный опрос населения Свердловской области	Цели национального развития Российской Федерации	Стратегия пространственного развития Российской Федерации	Проект стратегии социально-экономического развития Свердловской области
Физиологический риск	1	2	2	2
Коммуникационный риск	2	5	5	5
Профессиональный риск	3	2	1	1
Материальный риск	4	4	3	3
Воспроизводственный риск	5	1	3	4
Риск деструктивного поведения	6	6	6	6
Коэффициент ранговой корреляции Спирмена		0,229	0,457	0,543

меньшей степени. С другой стороны, стратегические документы оценивают существенно выше такие угрозы, как воспроизводственный и материальный риски, по сравнению с субъективными оценками населения региона.

Таким образом, наименьшая согласованность в приоритизации социальных рисков и мер реагирования на них выявлена между субъективными оценками населения Свердловской области и целями национального развития (коэффициент ранговой корреляции – 0,229). Это, безусловно, указывает на обобщенный характер федерального стратегического документа, который слабо учитывает региональную специфику. Стратегия пространственного развития Российской Федерации, в силу своего предмета регулирования, значительно лучше (коэффициент ранговой корреляции – 0,457) отражает региональную структуру социальных рисков Свердловской области, повышая значимость противодействия профессиональным рискам.

Наилучшим образом с субъективными оценками социальных рисков населением согласуется проект стратегии социально-экономического развития Свердловской области (коэффициент ранговой корреляции составил 0,543), довольно хорошо учитывающий специфику регионального развития. Однако следует выделить два обстоятельства. Во-первых, как уже отмечалось, в рассматриваемом документе профессиональные риски представлены как более значимые, чем это воспринимается населением. Угроза потери

работы не относится к числу наиболее тревожных для респондентов: в условиях дефицита кадров рынок труда оперативно предоставляет возможности для трудоустройства на приемлемых условиях. Во-вторых, в проекте стратегии значительно недооценен коммуникационный риск, связанный с одиночеством и социальной изоляцией. Вместе с тем, по данным Росстата, доля одиноких домохозяйств в нашей стране стабильно и быстро растет[3], что противоречит высокой ценности семьи в российском обществе[4]. Указанное противоречие является источником социального стресса, и стоит ожидать, что субъективное восприятие данного риска как значимого будет только усиливаться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современных условиях глобальных вызовов становится востребованной деятельность по управлению социальными рисками как источником неопределенности и социальной нестабильности. Процесс управления социальными рисками связан, во-первых, с диагностикой структуры и значимости социальных рисков и, во-вторых, с выработкой подходов к противодействию социальным рискам или снижению их негативных последствий.

Выполненное социологическое исследование показало, что значительная часть населения Свердловской области подвержена влиянию социальных рисков. Наибольшие угрозы ощущаются в сфере здоровья и безопасности, агрегированных в физиологический риск, а также в сфере одиночества и социальной изоляции, объединенных в коммуникационный риск. Кроме того, наблюдаются значительные различия в восприятии социальных рисков разными демографическими группами населения, что позволяет очертить круг социально уязвимых групп как потенциальных получателей мер социальной поддержки.

В результате контент-анализа стратегических документов развития федерального и регионального уровня в разрезе идентифицированных социальных рисков сделан вывод о том, что они направлены на противодействие всем ключевым социальным рискам. Вместе с тем приоритизация социальных рисков в разной степени согласуется с субъективной оценкой значимости этих рисков у населения, что связано в первую очередь с детализацией региональной специфики в стратегических документах: именно проект стратегии социально-экономического развития Свердловской области наилучшим образом среди проанализированных документов отвечает представлениям населения о значимых социальных угрозах. Однако согласованность субъективных оценок и региональных социальных приоритетов находится на среднем уровне, что обусловливает необходимость дальнейшего совершенствования региональной социальной политики и стратегии регионального социально-экономического развития.

[3] *Всероссийская* перепись населения 2020 года [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Федер. службы гос. статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 10.11.2025).

[4] *Семья* в системе российских ценностей [Электронный ресурс] // ВЦИОМ Новости. 2024. 22 нояб. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-rossiiskikh-cennostei (дата обращения: 10.11.2025).

Перспективным инструментом представляется реализация концепции управления социальными рисками (Social Risk Management – SRM), разработанной Всемирным банком (Максимович, 2023) и предполагающей комплекс стратегий, направленных на профилактику данных рисков (предупреждение их возникновения), смягчение (снижение негативных последствий) и преодоление (меры по ликвидации последствий). Еще одним актуальным подходом к управлению социальными рисками может стать адаптация международного стандарта ИСО 31000:2019 «Менеджмент риска»[5] к вопросам оценки, обработки и мониторинга социальных рисков на региональном уровне, а также последовательная имплементация целей устойчивого развития в российскую социальную политику (Киселев и Прокопов, 2020). Поиск эффективных решений в сфере риск-менеджмента является перспективным направлением для дальнейших исследований.

Список источников

Агеев К. Е., Сыроижко В. В. Современные аспекты государственной политики по повышению качества жизни населения России // Регион: системы, экономика, управление. 2023. № 2. С. 94–99. https://doi.org/10.22394/1997-4469-2023-61-2-94-99. EDN: RXIYCT.

Величковский Б. Т. Жизнеспособность нации. Взаимосвязь социальных и биологических механизмов в развитии демографического кризиса и изменении состояния здоровья населения России. 2-е изд. М.: РАМН, 2012. 240 с. EDN: QMBVPT.

Величковский Б. Т. Социальный стресс, трудовая мотивация и здоровье // Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. 2005. № 2. С. 24–36. EDN: KZZFVD.

Евдокименко О. Н. Социальный риск: понятие и классификация // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2015. № 6. С. 51–55. EDN: WJAXBT.

Зубков В. И. Риск в структуре экономического поведения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2001. № 2. С. 76–93. EDN: BFESGP.

Киселев А. Н., Прокопов Ф. Т. Управление рисками устойчивого развития // Бизнес. Общество. Власть. 2020. № 2–3. С. 41–73. EDN: GKDDSJ.

Ли С. Управление социальными рисками в глобальном обществе риска: уроки, извлеченные из мер реагирования Китая на пандемию // Общество. Среда. Развитие. 2024. № 1. С. 45–51. https://doi.org/10.53115/19975996_2024_01_045_051. EDN: IAKHVJ.

Макаров В. Л., Бахтизин А. Р., Сушко Е. Д., и др. Использование агент-ориентированных моделей для расширения стратегического функционала ситуационных центров Кузбасса // Экономика промышленности. 2020. Т. 13, № 3. С. 300–307. https://doi.org/10.17073/2072-1633. EDN: SMPFCF.

[5] *ГОСТ Р* ИСО 31000-2019. Менеджмент риска. Принципы и руководство [Электронный ресурс]: утв. Приказом Федер. агентства по техн. регулированию и метрологии от 10.12.2019 № 1379-ст. URL: https://base.garant.ru/73421703/ (дата обращения: 10.11.2025).

Макарова М. Н. К оценке влияния социальных рисков на продолжительность жизни экономически активного населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2025. Т. 18, № 1. С. 206–219. https://doi.org/10.15838/esc.2025.1.97.12. EDN: WVMTRZ.

Максимович А. В. Методология прогнозирования и стратегии управления социальными рисками // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 4. С. 223–229. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-4-223-229. EDN: TDVMJQ.

Микрюков В. О., Илюшин С. Н. Теоретико-методологический анализ социальных рисков современного общества. М: Науч.-издат. центр Инфра-М, 2022. 159 с. https://doi.org/10.12737/1111372. EDN: TJZZTO.

Найт Ф. Х. Риск, неопределенность и прибыль / Пер. с англ. М. Я. Каждана. М.: Дело, 2003. 359 с.

Синьковская И. Г. Социальные риски в российском обществе // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. 2020. № 36. С. 9–12. EDN: ZIFUQW.

Степанова М. Н., Обогаева А. В. Особенности социальных рисков домашних хозяйств // Global and Regional Research. 2021. Т. 3, № 1. С. 73–79. EDN: JRDNQN.

Сухих В. А., Зубарев Н. Ю. Оценка риска здоровью как показатель долгосрочного планирования социоэкономического развития региона // Ars Administrandi (Искусство управления). 2012. № 3. С. 23–34. EDN: PVXNFR.

Фурсов В. А., Долгова А. А. Социальная защита населения в Российской Федерации // Образование и проблемы развития общества. 2020. № 1. С. 220–223. EDN: CTDVIF.

Черешкин Д. С., Ройзензон Г. В., Бритков В. Б. Применение методов искусственного интеллекта для анализа риска в социально-экономических системах // Информационное общество. 2020. № 3. С. 14–24. EDN: BUEQJJ.

Beck U. Risk society: Towards a new modernity. London, Newbury Park, CA: Sage Publications, 1992. 260 p.

Bilyk O. Formation of a system of public management of social risks // Socio World – Social Research & Behavioral Sciences. 2020. Vol. 2, № 2. P. 12–18. https://doi.org/10.36962/swd0202202012. EDN: VCFXEV.

Bulba V. G., Goncharenko M. V., Yevtuxov O. V. Fiscal mechanism in public administration of social risks // Cuestiones Políticas. 2021. Vol. 39, № 68. P. 531–548. https://doi.org/10.46398/cuestpol.3968.34. EDN: FJEUZZ.

Liu Z., Huang J. Factors contributing to social risk management in China: Evaluation in the context of SSRA initiative // Chinese Public Administration Review. 2017. Vol. 8, № 2. P. 120–139. https://doi.org/10.22140/cpar.v8i2.158.

Novikova O., Shamileva L., Vicen V. et al. The modernization of current methods and technologies for risk assessment, modeling and forecasting // Journal of Physics: Conference Series. 2021. Vol. 1804. Art. № 012057. https://doi.org/10.1088/1742-6596/1804/1/012057. EDN: VIJILS.

Pidlypna R. Implementation of government programs of social risk management // Економічний Дискурс. 2020. № 3. P. 38–44. https://doi.org/10.36742/2410-0919-2020-3-4. EDN: HXNHGE.

Vykopalová H. Social risk management as a strategy in the fight against poverty and social exclusion // Danube. 2016. Vol. 7, № 2. P. 123–129. https://doi.org/10.1515/danb-2016-0007.

Yu T., Shen G. Q., Shi Q. et al. Managing social risks at the housing demolition stage of urban redevelopment projects: A stakeholder-oriented study using social network analysis // International Journal of Project Management. 2017. Vol. 35, № 6. P. 925–941. https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2017.04.004.

Информация об авторах

М. Н. Макарова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, 620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29

SPIN-код (РИНЦ): 8630-5215

AuthorID (РИНЦ): 625550

Web of Science ResearcherID: H-7717-2017

Scopus Author ID: 57190415325

О. А. Пышминцева – младший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, 620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29

SPIN-код (РИНЦ): 6081-2827

AuthorID (РИНЦ): 518015

Web of Science ResearcherID: AAZ-6335-2021

Scopus Author ID: 57190430450

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 24.11.2025; одобрена после рецензирования 09.12.2025; принята к публикации 09.12.2025.

References

Ageev, K. E. and Syroizhko, V. V. (2023), "Modern aspects of the state policy to improve life quality in Russia", *Region: Systems, Economics, Management*, no. 2, pp. 94–99, https://doi.org/10.22394/1997-4469-2023-61-2-94-99, EDN: RXIYCT.

Velichkovskiy, B. T. (2012), *Zheznesposobnost' natsii. Vzaimosvyz' sotsial'nykh i biologicheskikh mekhanizmov v razvitii demograficheskogo krizisa i izmenenii sostoyaniya zdorov'ya naseleniya Rossii* [The viability of the nation. The interrelation of social and biological mechanisms in the development of the demographic crisis and changes in the health status of the Russian population], RAMN, Moscow, Russia, EDN: QMBVPT.

Velichkovskij, B. T. (2005), "Social stress working motivation and health", *Bulletin of the East Siberian Scientific Center of the Academy of Medical Sciences*, no. 2, pp. 24–36, EDN: KZZFVD.

Evdokimenko, O. N. (2015), "Social risk: Notion and classification", *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 4. Jurisprudence*, no. 6, pp. 51–55, EDN: WJAXBT.

Zubkov, V. I. (2001), "Risk in the structure of economic behaviour", *RUDN Journal of Sociology*, no. 2, pp. 76–93, EDN: BFESGP.

Kiselev, A. N. and Prokopov, F. T. (2020), "Sustainable development risk management", *Business. Society. Government*, no. 2–3, pp. 41–73, EDN: GKDDSJ.

Li, S. (2024), "Social risk management in a global risk society: Lessons learned from China's pandemic response", *Society. Environment. Development*, no. 1, pp. 45–51, https://doi.org/10.53115/19975996_2024_01_045_051, EDN: IAKHVJ.

Makarov, V. L., Bakhtizin, A. R., Sushko, E. D. et al. (2020), "Using agent-based models to expand strategic functionality of the Kuzbass situation centers", *Russian Journal of Industrial Economics*, vol. 13, no. 3, pp. 300–307, https://doi.org/10.17073/2072-1633, EDN: SMPFCF.

Makarova, M. N. (2025), "On assessing the impact of social risks on the life expectancy of economically active population", *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 18, no. 1, pp. 206–219, https://doi.org/10.15838/esc.2025.1.97.12, EDN: WVMTRZ.

Maksimovich, A. V. (2023), "Forecasting methodology and social risk management strategies", *State and Municipal Management. Scholar Notes*, no. 4, pp. 223–229, https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-4-223-229, EDN: TDVMJQ.

Mikryukov, V. O. and Ilyushin, S. N. (2022), *Teoretiko-metodologicheskii analiz sotsial'nykh riskov sovremennogo obshchestva* [Theoretical and methodological analysis of social risks of modern society], Infra-M Scientific Publishing Center, Moscow, Russia, https://doi.org/10.12737/1111372, EDN: TJZZTO.

Knight, F. H. (2003), *Risk, neopredelennost' i pribyl'* [Risk, uncertainty and profit], translated by Kazhdan, M. Ya., Delo, Moscow, Russia.

Sin'kovskaya, I. G. (2020), "Social risks in the Russian society", *Vestnik Vostochno-Sibirskoi otkrytoi akademii,* no. 36, pp. 9–12, EDN: ZIFUQW.

Stepanova, M. N. and Obogaeva, A. V. (2021), "Features of social risks of households", *Global and Regional Studies*, vol. 3, no. 1, pp. 73–79, EDN: JRDNQN.

Sukhikh, V. A. and Zubarev, N. Y. (2012), "Assessment of health risk as an indicator of long-term planning of socio-economic development of the region (the case of Perm Krai)", *Ars Administrandi,* no. 3, pp. 23–34, EDN: PVXNFR.

Fursov, V. A. and Dolgova, A. A. (2020), "Social protection of the population in the Russian Federation", *Education and Problems of Development of Society*, no. 1, pp. 220–223, EDN: CTDVIF.

Chereshkin, D. S., Royzenzon, G. V. and Britkov, V. B. (2020), "Application of artificial intelligence methods for risk analysis in socio-economic systems", *Information Society*, no. 3, pp. 14–24, EDN: BUEQJJ.

Beck, U. (1992), *Risk society: Towards a new modernity*, Sage Publications, London, UK, Newbury Park, CA, US.

Bilyk, O. (2020), "Formation of the system of state management of social risks", *Socio World – Social Research and Behavioral Sciences,* vol. 2, no. 2, pp. 12–18, https://doi.org/10.36962/swd0202202012, EDN: VCFXEV.

Bulba, V. G., Goncharenko, M. V. and Yevtuxov, O. V. (2021), "Fiscal mechanism in the state management of social risks", *Cuestiones Políticas,* vol. 39, no. 68, pp. 531–548, https://doi.org/10.46398/cuestpol.3968.34, EDN: FJEUZZ.

Liu, Z. and Huang, J. (2017), "Factors contributing to social risk management in China: Evaluation in the Context of SSRA Initiative", *Chinese Public Administration Review,* vol. 8, no. 2, pp. 120–139, https://doi.org/10.22140/cpar.v8i2.158.

Novikova, O., Shamileva, L., Visen, V. et al. (2021), "Modernization of existing methods and technologies for risk assessment, modeling and forecasting", *Journal of Physics: Conference Series*, vol. 1804, art. no. 012057, https://doi.org/10.1088/1742-6596/1804/1/012057, EDN: VIJILS.

Pidlipna, R. (2020), "Implementation of state social risk management programs", *The Economic Discourse,* no. 3, pp. 38–44, https://doi.org/10.36742/2410-0919-2020-3-4, EDN: HXNHGE.

Vykopalova, H. (2016), "Social risk management as a strategy to combat poverty and social exclusion", *Danube*, vol. 7, no. 2, pp. 123–129, https://doi.org/10.1515/danb-2016-0007.

Yu, T., Shen, G. Q., Shi, Q. et al. (2017), "Social risk management at the stage of housing demolition within the framework of urban reconstruction projects: A stakeholder-oriented study using social media analysis", *International Journal of Project Management*, vol. 35, no. 6, pp. 925–941, https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2017.04.004.

Information about the authors

M. N. Makarova – Candidate of Economics, Senior Researcher of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 29 Moskovskaya Str., Yekaterinburg, 620014, Russia

SPIN code (RSCI): 8630-5215

AuthorID (RSCI): 625550

Web of Science ResearcherID: H-7717-2017

Scopus Author ID: 57190415325

O. A. Pyshmintseva – Junior Researcher of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 29 Moskovskaya Str., Yekaterinburg, 620014, Russia

SPIN code (RSCI): 6081-2827

AuthorID (RSCI): 518015

Web of Science ResearcherID: AAZ-6335-2021

Scopus Author ID: 57190430450

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interest.

The article was submitted on 24.11.2025; approved after reviewing 09.12.2025; accepted for publication 09.12.2025.